

«Нам всем доставалось от своих родителей и шло только на пользу. У отца со мной разговор был короткий, и никто не думал жаловаться. Виноват – получи. У мамы на кухне висели березовые розги...»

Легенда советской эстрады

РАЙМОНД ПАУЛС

рассказывает корреспонденту «МН»
о последних концертах в Москве, Петербурге
и Киеве, о своей творческой и семейной жизни

– По телефону вы предупредили, что в своих многочисленных интервью сказали о себе практически всё. А знакомый журналист добавил, что интервью у вас не брал только ленивый...

– Каждый разговор зависит от настроения. Иногда идет легко, а иногда замечаю, что мне даже лень завершить мысль: повторяю то, что уже говорил прежде. Удивляюсь юмористам, которые каждый вечер тиражируют свои хохмы. Даже удачную шутку повторять на сцене мне кажется глупым. Хотя во второй раз в зале сидят уже другие люди.

– Зрители для вас много значат?

– Конечно. Зал в состоянии тебя уничтожить, если он тебя не примет. Люди, естественно, собираются разные: одна аудитория внимательно следит за действием, другая смотрит, как ты одет, что говоришь солистке. Я сам иногда в театре ловлю себя на мысли, что думаю не о содержании пьесы, а о том, как бы я выглядел на сцене.

– Правда ли, что с российских гастролей вы возвращаетесь окрыленным живым откликом публики, которого вам не хватает дома?

– Непростой вопрос. Последние концерты в Москве, Петербурге и Киеве мы отработали хорошо. Я могу быть даже очень доволен. Хотя мне многое не нравится из того, что я делаю, и иногда кажется, что с этим надо кончать. А потом снова что-то задумываю. Скажу одно: мне приятно, что рекордные сроки держусь на сцене, в обществе и в жизни. Для эстрадного певца и пять лет на сцене – много. Начинать я в пятидесятые годы, и до сегодняшнего дня мне не говорят: тебе, пенсионер, давно пора на покой.

– Большинство представляет вас элегантно, с бабочкой, за роялем в большом концертном зале. Но прошлым летом показали документальный фильм, где вы выступаете с детьми на скромной деревенской сцене и совершенно счастливы.

– Да, это правда, мы устраиваем такие концерты в деревнях. Это самая благодарная публика. Откровенно говоря, мне все равно, где играть. В Нью-Йорке или в нетопленном сельском доме культуры на ненастроенном инструменте. Я никогда не предъявляю в провинции какие-то особые требования. В 50-е годы мы выступали в зале, где горела одна лампочка.

– На последнем концерте в Москве на финальные аплодисменты вы выходили с внуками. Вам нравится быть дедом?

– Так совпало, что девочки оказались в зале, это чистая импровизация. Честно говоря, я не знаю, какой я дед. Скрываю свои эмоции. Но мне нравится, что внуки чуточку меня боятся – я для них авторитет. У одной из внучек спросили недавно: «Как твой дед поживает?» Она в ответ: «Извините, он не дед, он Раймонд Паулс».

Нам всем доставалось от своих родителей и шло только на пользу. У

отца со мной разговор был короткий, и никто не думал жаловаться. Виноват – получи. У мамы на кухне висели березовые розги...

– Вас лупили розгами?

– Что за вопрос – лупили? Да, по голой заднице! Мы ведь росли в очень опасное время после войны, было много трагедий, дети подрывались на снарядах.

– Рискуете же спросить: а как вы воспитываете внуков?

– Мы нечасто видимся – девочки живут с дочерью в Москве. У них отличное образование, они владеют тремя языками. Много успели поведать в своем возрасте – муж дочери, датчанин, работает в авиакомпании SAS, и каждые выходные можно полететь куда-нибудь бесплатно. Летом они приезжают в наш дом на Белом озере, взаимопонимание у нас полное.

– Как и с женой Ланой?

– Мы очень давно вместе, это уже о многом говорит. Работа часто выводит меня из состояния равновесия. Лана умеет тогда уйти в сторону. Очевидно, это и есть то, что не позволяет нам разлучиться. Жена умеет со мной обращаться. Она ведет себя так, как и подобает вести себя с мужчиной. На ней все хозяйство – она присутствует при всех перестройках, ремонтах, ругается с рабочими. При этом у нее тонкое чувство моды, хороший стиль. У нас нет никаких проблем, хотя мы из разных народов. Поймала меня. Ну что тут скажешь?

– Точно она? Не наоборот?

– Не помню. Забыл... Мы уже так сжились, что каждый свое дело знает: здравствуй – до свидания – кофе пить будешь? Уже сорок лет... Буду...

– Люди в дуэте иногда смотрятся музыкальными инструментами. Вы себе какой бы выбрали?

– А он ко мне приклеен навечно – рояль. У него преимущества перед всеми инструментами, он один может создать самое разное звучание: интимное, камерное или, как Рахманинов, разливаясь.

– А Лана?

– Ну, не знаю. Духовой оркестр, усиленный ритмической группой. Военные барабаны. И литавры, все вместе...

– Можно ли узнать, как протекает ваш творческий процесс? Композитор Максим Дунаевский уверяет, что именно у вас надо спрашивать рецепт приготовления шлягера: вы умеете создавать их, как никто другой.

– Не знаю такого рецепта. И выдумать здесь ничего нельзя. Я не пишу специально для кого-то, но иногда исполнитель играет большую роль. Например, Пугачева.

В зале, где мы с вами разговариваем, записывался «Миллион алых роз». Алла тогда возмущалась, как она любит: «Это не для меня песня! Что это вообще такое?» Она же других всегда (движение руками вниз) задавит. Слова ругала, Вознесенского бедного сровняла с землей. Кое-как уговорили – спой. А

«Розы» стали у нее самым ударным хитом.

Часто приходится спорить с серьезными музыкантами, композиторами, которые меня ненавидят из-за этих шлягеров. Уверены, что тоже так могут. Я им отвечаю: попробуйте. Когда великого Эндрю Уэббера упрекали, что он все заполонил своими шлягерами, он возражал: «Как я их пишу, вы написать не можете, а вот ваше я написать смогу». Он прав. Попробуйте написать так, чтобы пели. Этого никто не знает – как.

Мне повезло, у меня была в жизни цель – добиться такого уровня, чтобы не зависеть ни от связей, ни от халтуры. Сейчас я настолько свободен, что сам могу решать все свои вопросы. Разумеется, я не могу сейчас выйти к тинейджерам – там я уже никому не нужен. Но за свой смокинг, за выступление с большим оркестром я могу отвечать смело и радоваться.

– Видимо, вы азартный человек?

– Азартный. Но самое ужасное, что азарт у меня до премьеры: отыграл, а дальше уже неинтересно. На репетициях я как рыба в воде, а потом – как отрезало.

– Было время, когда вы шагнули на другую сцену: стали министром культуры, советником президента, баллотировались на высший государственный пост.

– Всюду был, везде по шее получил, все было. В своей книге я написал, что никто до конца не бывает откровенным. Когда-нибудь я расскажу хотя бы часть того, почему я во все это влез. Мне ведь сначала нравился этот процесс. Однако пост министра культуры... Что он мне дал, кроме седой головы и неприятностей? Возможно, я хотел что-то реформировать, но получил по роже и быстренько смылся. Там с тобой живо справятся. Честного ответа никогда не будет, и я вам его не дам.

– Иногда я наблюдаю: идет по Риге человек, которого знает вся страна. Как вы чувствуете себя на людях?

– Жертвой, однозначно. Я всегда иду и думаю, чтобы никто не подошел и денег не попросил. Уличный аккордеонист, заведя меня, начинает тянуть мелодию «Долгой дороги в дюнах». Или гадость какую-нибудь услышишь: ты богат, а у меня ничего нет. Еще хуже: ты Родину продал – это когда я высказывался за хорошие отношения с Россией. Конечно, лучше забыть, но такие вещи не забываются. Где-то внутри все равно больно.

– Тем не менее многие считают вас гениальным. Это соответствует истине?

– Это глупо. Это журналистские шуточки, это не надо...

Наталья СТЕРХОВА, Рига

С внуками: «Это не дед, это Раймонд Паулс»

Раймонд Паулс и его коллега Игорь Крутой – члены жюри конкурса в Юрмале

14.04.03

16